

ОТНОШЕНИЯ МЛАДШИХ И СТАРШИХ КНЯЗЕЙ XIV – XV вв. В ИСТОРИОГРАФИИ И ИСТОЧНИКАХ. ТЕРМИНОЛОГИЧЕСКИЙ АСПЕКТ

Статья посвящена вопросу о характеристике междукняжеских отношений в Северо-Восточной Руси конца XIII – XV в. и их отражении в отечественной историографии. Особое внимание уделено научной терминологии как определяющему фактору в понимании и описании процессов. Анализ, с учетом показаний летописных источников и актового материала, подвергнуты термины, связанные с предполагаемой иерархией князей, состоящей, согласно историографической традиции, из трех ступеней: великих князей владимирских, местных великих князей и князей удельных.

Ключевые слова: великие князья; удельные князья; междукняжеские отношения; Северо-Восточная Русь XIV–XV вв.; историография.

Одной из традиционных проблем российской исторической науки является своего рода злоупотребление априорными схемами, для подкрепления которых источниковые материалы используются либо выборочно, либо игнорируются, если их данные противоречат схеме. Частично они были видоизменены, но некоторые фрагменты сохранились до настоящего времени в первоизданном виде. В одном из таких устоявшихся построений с подачи «государственной школы» рассматриваются принципы междукняжеских отношений в Северо-Восточной Руси XIV в. и, в частности, вопрос об иерархии между князьями. В данном случае схема не только дает явно искаженное видение политических процессов на Руси, но и ставит вопрос об объективности научной терминологии в исторических исследованиях.

Еще в начале XX в. А.Е. Пресняков писал о невозможности описания средневековых политических отношений и процессов в терминах современного права и политологии [1. С. 133]. С тех пор никто не учитывал данное обстоятельство при изучении истории образования единого русского государства в XIV–XV вв. Речь, конечно, не может идти о замене научных определений средневековой лексикой, однако существует необходимость создавать термины, использование которых обосновано, а сами они имеют четкое смысловое наполнение с опорой на данные источников. Часть терминов, как устоявшихся, так и предложенных в 1990–2000-х гг., являются своего рода абстрактными ярлыками, плохо соотносящимися с природой явлений, которые они описывают, а то и просто демонстрирующими пример логической несообразности. Отдельным аспектом, достойным внимания, является словоупотребление в современных исследованиях по политической истории Северо-Восточной Руси и Московского княжества в частности. Упомянутая проблема представляет интерес для изучения как историографической ситуации, так и междукняжеских отношений в конце XIII – начале XVI в. В данном случае речь пойдет главным образом о принципах построения княжеской иерархии на Северо-Востоке Руси в указанный период и отчасти о характере так называемой удельной системы, которой уместно посвятить отдельную работу.

Обращаясь к описанию иерархических отношений между князьями в научной литературе, можно увидеть как прямое указание на представления исследователей по этому вопросу, так и косвенное, следующее из контекста. При этом чаще всего авторы научных трудов не

считают нужным ссылаться на источники либо, по уже сложившейся с первой четверти XIX в. традиции, ссылаются на тексты, которые можно считать доказательством теории только при условии компромисса с профессиональной этикой.

Определенный схематизм в описании исторического процесса и отдельных явлений, который был нормой для так называемой государственной исторической школы в силу уровня развития науки, сохраняется до настоящего времени. В историографии можно увидеть два варианта деления князей на группы в порядке снижения статуса. Это или деление на великих и удельных князей, или более сложное трехчастное деление на великих князей владимирских, великих князей местных великих княжеств: Тверского, Суздальско-Нижегородского, Московского (В.О. Ключевский также относил сюда Ростовское, Ярославское и Рязанское княжества) – и, наконец, удельных князей [2. С. 102]. Такое видение ситуации свойственно и современным историкам [3; 4. С. 20; 5. С. 44–45]. Прежде всего обращает на себя внимание вопрос о корректности противопоставления великих и удельных владетелей. О подобной иерархии можно говорить весьма условно, поскольку обозначенные в источниках (в первую очередь в актах) принципы отношений между князьями не предполагали четкой и постоянно действующей иерархии. Каждый в перспективе мог стать если не великим князем владимирским, то старшим в своей княжеской семье, если подобное старшинство в данной семье существовало. Помимо этого, из противопоставления «удельный князь» – «великий князь» логически следует, что у великого князя нет своего удела, что, естественно, не соответствует действительности. Каждый из старших князей был удельным князем, как и все остальные.

Данное противопоставление представляется некорректным еще и потому, что великий князь не являлся обособленной фигурой, он был лишь первым среди равных. Изменения, происходившие со временем, выражались в основном в изменении состава семей, имевших реальные права на великокняжеский стол при соблюдении очередности. Претендентами в любом случае, идет ли речь о XIV, XV или даже XVI в., были князья, чьи отцы и деды занимали владимирский стол в свою очередь. Тот факт, что на рубеже XIV и XV столетий круг князей, имевших такое право, сузился до одной семьи (и не в первый раз), не отменял самого принципа, позволявшего получить великое княжение

более чем одной ветви княжеского рода. Более того, ограничение количества князей, имевших основание рассчитывать на великое владимирское княжение, могло привести к обособлению других земель, которые оказывались неподвластными владимирскому князю. Так, в 1382–1383 гг. Тохтамышем было образовано великое княжество Тверское, просуществовавшее до 1485 г. Соответственно, некорректно говорить о «великих» и «удельных» князьях как более или менее противостоящих или, во всяком случае, обособленных силах, что принято в отечественных исследованиях до сих пор.

Троичная система иерархии (великий князь владимирский, глава местного великого княжения, удельные князья) является умозрительной историографической конструкцией и не находит подтверждения в источниках. Более того, старейшинство одного из представителей княжеского дома не было универсальным явлением, распространявшимся на все княжества Северо-Восточной Руси XIV в. Ничего подобного мы не увидим в Ростовском княжестве. Единое в XIII в., оно в дальнейшем делилось за счет обособления младших ветвей. При этом генеалогическое старшинство не превращалось в политическое преимущество (в отличие от ситуации в Московском и Тверском княжествах), речь могла идти о большей или меньшей престижности того или иного стола, не более того. Ростовским князьям, как старшим, не подчинялись ни ярославские, ни угличские, ни белозерские князья, имевшие с ними общее происхождение, являясь представителями боковых ветвей ростовского княжеского дома [3. С. 264–314]. По мере увеличения семейства ярославских князей в XIV–XV вв. мы не увидим примеров принципиального главенства князя, сидящего в Ярославле, над остальными родственниками. В 1360–1370-х гг. от Ярославля откололось Моложское княжество, не находившееся в политической зависимости от старших в генеалогическом отношении ярославских князей [3. С. 287–288]. Причем последние владели остатком Ярославского княжества коллективно, несмотря на то что стольный город не был общим достоянием, как в московской княжеской семье.

Ситуация в Ростовском княжестве (на его территории, оставшейся к первой четверти XIV в.) в это время еще больше отличалась от классической схемы. Княжество и город были разделены на две «половины», владельцы которых первоначально являлись близкими родственниками, но впоследствии (после 1320 г.) две ветви собственно ростовских князей сохранялись на отдельных «половинах» Ростова и, соответственно, претензии кого-либо на старшинство были невозможны. Более того, ростовская княжеская семья знает прецеденты ухода старшей ветви или старейшего в роду в менее престижный город, например, Дмитрий Борисович ушел в 1286 г. в Углич и оставил Ростов младшему брату Константину [6. Стб. 526].

Таким образом, идея промежуточного местного великого княжения неприменима к большинству русских земель. Об этом косвенно свидетельствует попытка А.А. Горского решить этот вопрос. Он ограничил количество местных великих княжений тремя, отнеся к ним Тверь, Нижний Новгород и Москву. Картину исследователя осложнил, добавив сюда сравнение трех

перечисленных княжеств с великими княжениями Смоленска, Рязани, Пронска и Чернигова и предложив оригинальную трактовку политической ситуации в масштабах всей Руси. Троичная схема в работе исследователя осталась, но выглядела несколько иначе. На вершину А.А. Горский поставил великого князя владимирского, который, по его убеждению, являлся носителем официального титула «великий князь всея Руси». Вторая ступень была согласно этой концепции занята великими князьями смоленским, черниговским, рязанским и пронским, а также уравненными с четырьмя предыдущими местными великими князьями на Северо-Востоке Руси: тверским, московским и нижегородским [5. С. 44–45].

Необходимо отметить, что схема изначально производит впечатление «натянутой». Это становится очевидно при анализе аргументации исследователя. Он ссылается на две грамоты московским князьям из канцелярии Константинопольского патриарха, где обращение адресовано «великому князю Московскому и всея Руси» [5. С. 45], и на этом основании делается вывод о существовании титулов «великий князь московский» и «великий князь всея Руси».

Однако, во-первых, обращает на себя внимание калька с титула митрополита. Тот факт, что светские правители, претендовавшие на верховенство по отношению к церкви, копировали титул главы церкви, может считаться скорее исключением. Возможно, служители патриаршей канцелярии применили привычный им оборот речи и при этом не особенно вникали в тонкости политических отношений на Руси. В русских княжеских грамотах XIV в. мы можем увидеть лишь один пример такого титулования великого князя – в договоре Семена Ивановича с братьями Иваном и Андреем около 1350 г. [7. № 2. С. 11]. С.В. Богданов в своем исследовании, посвященном титулатуре великого князя, пришел к выводу о равенстве в начале XV в. статусов великих князей владимирского, тверского и рязанского, а также о чисто идеологическом характере определения «всея Руси» в великокняжеском титуле владимирских князей [8. С. 49].

Далее, в связи с упомянутым предположением А.А. Горского, необходимо задаться вопросом о том, что есть «Русь» для жителей северо-восточных земель? В летописи XIV–XV вв., очевидно, слова «русские» и «Русь» употребляются только применительно к русскому северо-востоку [9. Стб. 181]. Следовательно, «великий князь всея Руси» является синонимом более привычной формулировки титула – «великий князь владимирский». Титул великого князя тверского как «местного» подтверждается только Рогожским летописцем и Тверским сборником, тверскими летописями середины – второй половины XV в. [9. Стб. 58, 79; 10. Стб. 418, 429]. Необходимо при этом помнить о том, что в основе Рогожского летописца – текста, написанного в первой половине XV в., лежит так называемая тверская редакция митрополитской Троицкой летописи, созданная в 1412 г. [11. С. 50, 51–52; 12. С. 13]. Это время правления великого князя тверского Ивана Михайловича. Этот князь нуждался в дополнительном подкреплении своего статуса великого князя, равного великому князю владимирскому. Титул появился только в 1383 г. и, видимо, не очень охотно признавался

московской семьей, монополизировавшей права на владимирское великое княжение. Так, в 1406 г., во время войны Москвы и Твери против Великого княжества Литовского Василий Дмитриевич Московский заключил с литовским великим князем Витовтом перемирие от своего имени и от имени Ивана Михайловича Тверского без ведома последнего, что было чрезвычайно болезненно воспринято в Твери [10. Стб. 474].

Очевидно, пытаясь подчеркнуть великокняжеское достоинство тверских князей, он настоял на том, чтобы его отец и дед именовались в тверской летописи «великими князьями» даже в те периоды, когда ими в реальности не являлись. Ни одна современная ему или восходящая к современной летопись тверских князей «великими» до конца XIV в. не называет [13. С. 92, 103, 106; 14. С. 349, 350–351, 371; 15. С. 291, 294, 295]. Договорные грамоты также свидетельствуют об отсутствии титула «великий князь тверской» еще в конце XIV в. [7. № 6. С. 22]. Следовательно, нет оснований говорить о тверском местном великом княжении в XIV–XV вв. В XIV в. князья из тверской семьи были великими князьями владимирскими, а с 1383 по 1485 гг. – великими князьями тверскими, равнозначными великим князьям владимирским. Такой вывод можно сделать не только из текста Рогожского летописца и Тверского сборника, но и из договорных грамот. Вполне равноправные отношения мы увидим по московско-тверским договорам 1399 г., около 1456 г., 1462 г. [7. № 15. С. 40–43; № 59. С. 186–192; № 63. С. 201–207]. Что касается 1447–1453 гг., можно говорить об определенной гегемонии тверского князя в Северо-Восточной Руси [10. Стб. 493].

Не приходится говорить и о титуле «великий князь нижегородский». Духовные грамоты Василия I Дмитриевича при упоминании Нижнего Новгорода не содержат определения «великое княжение», нет его и в dokonчании старших сыновей Ивана III, Василия и Юрия (1504 г.), хотя в числе великих княжеств упоминается не только Владимирское или Тверское, но даже

Псковское и Новгородское [7. № 90. С. 364, 366, 368]. Упоминание здесь же «великого княжения Московского» является новшеством и, по-видимому, имеет какое-то значение только для титула будущего Василия III, как и в случае с упоминанием псковского и новгородского великих княжений, и имеет корни в событиях династического кризиса 1498–1502 гг.

Впрочем, историографические построения вызывают вопросы и сами по себе. В одной из последних работ Н.С. Борисова читаем: «В середине XIV в. сильнейшие из местных князей (тверские, нижегородские, рязанские) присвоили себе титул “великий князь”» [4. С. 20]. Во-первых, мы не увидим у этого автора упоминания о великом княжестве Московском, о котором рассуждали В.О. Ключевский и А.А. Горский, а во-вторых, и это значительно важнее, возникает вопрос о том, как в середине XIV в., в период расцвета Орды, князья могли безнаказанно присвоить себе какой бы то ни было титул? Вопрос тем более насущный, что В.А. Кучкин и А.А. Горский датируют это событие 1338–1341 гг., последними годами правления хана Узбека и первым годом правления его сына Джанибека [3. С. 218; 5. С. 45]. В этот период русские князья не позволили себе ни одного действия, которое могло бы быть понято двояко, как это было до 1322 и после 1357 г. При этом рассуждения В.А. Кучкина о присоединении нижегородских земель к Суздальскому княжеству не подтверждают тезиса об образовании нижегородского великого княжения [3. С. 239–242].

Таким образом, можно говорить о том, что в XIII – первой трети XV в. существовали только великий и младшие князья. Характеризуя межкняжеские отношения, можно говорить, по меньшей мере, о трех вариантах межкняжеских отношений, как по вертикали, так и по горизонтали: во-первых, отношения великого князя владимирского и младших; во-вторых, отношения старшего князя в роду или семье и его младших родичей; в-третьих, отношения, не предполагавшие старшинства в семье или роду.

ЛИТЕРАТУРА

1. Пресняков А.Е. Княжое право древней Руси. Очерки по истории X–XII столетий. Лекции по русской истории. Киевская Русь. М., 1993. 633 с.
2. Ключевский В.О. Сочинения : в 9 т. М., 1988. Т. 2. 446 [1] с.
3. Кучкин В.А. Формирование государственной территории Северо-Восточной Руси в X–XIV вв. М., 1984. 332 с.
4. Борисов Н.С. Возвышение Москвы. М., 2011. 574 с.
5. Горский А.А. Русские земли в XIII–XIV вв. Пути политического развития. М., 1996. 127 с.
6. Полное собрание русских летописей (ПСРЛ). Т. 1: Лаврентьевская летопись. М. : Языки славянской культуры, 2000. 733 [5] с.
7. Духовные и договорные грамоты великих и удельных князей XIV–XVI вв. / под ред. Л.В. Черепнина. М., 1950.
8. Богданов С.В. Об определении «всей Руси» в великокняжеской титулатуре XIV–XV вв. (по материалам актов XIV–XV вв.) // Древняя Русь. Вопросы медиевистики. 2008. Декабрь. № 4 (34). С. 30–49.
9. ПСРЛ. Т. 15, вып. 1: Рогожский летописец. М. : Языки русской культуры, 2000. 540 с.
10. ПСРЛ. Т. 15: Тверской летописный сборник. М. : Языки русской культуры, 2000. 540 с.
11. Лурье Я.С. Общерусские летописи XIV–XV вв. Л., 1976. 283 с.
12. Лурье Я.С. Две истории Руси XV века. Ранние и поздние, независимые и официальные летописи об образовании Московского государства. СПб. : Дмитрий Буланин, 1994. 240 с.
13. ПСРЛ. Т. 18: Симеоновская летопись. М. : Знак, 2007. 316 с.
14. Новгородская первая летопись старшего и младшего изводов. М. ; Л. : Изд-во АН СССР, 1950. 640 [14] с.
15. ПСРЛ. Т. 4, ч. 1, вып. 1. Новгородская IV летопись. М. : Языки русской культуры, 2000. 686 [4] с.

Статья представлена научной редакцией «История» 24 декабря 2012 г.